

ВОСПОМИНАНИЯ С КОММЕНТАРИЯМИ

*Николай Мартон «Мне отчаянно везло!»,
Санкт-Петербург, «Балтийские сезоны», 2017*

Пожалуй, именно так хочется точнее определить жанр этой книги, которая вопреки изначальной задумке автора представляет собой не мемуары в их традиционном понимании. Ведь его монолог периодически прерывается различными по объему иногда строго информационными, а по большей части лирическими отступлениями, принадлежащими перу известного петербургского театроведа, театрального критика, библиографа **Евгения Кирилловича Соколинского**.

Данный ход способствует соприкосновению с действительно не совсем обычным изданием, на страницах которого **Николай Мартон** размышляет о своей жизни, и тут же присутствует «взгляд со стороны» на факты биографии и роли Николая Сергеевича, этого незаурядного артиста, служащего отечественному театру почти шестьдесят лет, из которых пятьдесят пять — александринским подмосткам. Мастера сцены, интеллигентная, благородно-изысканная исполнительская манера которого и по мнению зрителей, и по практически единодушному признанию прессы принадлежащего к, увы, изрядно поредевшей категории своеобразных культурных символов северной столицы. Не забывает об этом написать и Соколинский.

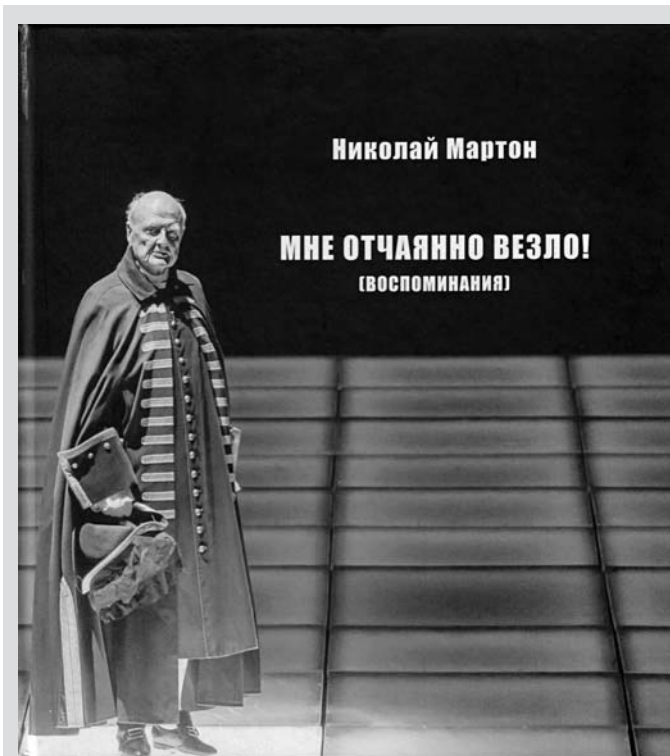
Подобное утверждение, безусловно, доставляет не коренному петербуржцу Мартону — удовольствие. Однако, как мы неоднократно убеждаемся в процессе чтения, к комплиентам Николай Сергеевич относится спокойно, даже несколько отстраненно.

В этом нет ничего странного. Все-таки Мартон — сложившийся артист, способный свои достижения анализировать са-

мостоятельно и трезво. К тому же Николай Сергеевич никогда не останавливается в своем актерском развитии, в подтверждение этой мысли, замечая в прологе, что «все еще учится». И, несмотря на солидные регалии — звание народного артиста РСФСР, кавалера орденов Почета и Дружбы, лауреата почетных театральных премий (в том числе: «Золотой Маски – 2016» за роль Неизвестного в спектакле «Маскарад. Воспоминания будущего»), постоянно ищет неизведанные пути в искусстве. Причем, делает это бесстрашно (а именно бесстрашие, склонность к рискованным экспериментам написавший предисловие к книге творческий лидер Александринского театра **Валерий Фокин** выделяет в индивидуальности Николая Мартона), неизменно обнаруживая новые грани своего таланта.

Он и на сей раз, будучи мемуаристом, удивляет. Даром рассказчика, чья судьба контрастирует с аристократизмом, безукоризненностью внешнего облика и даже отдаленно не сравнима с такой же безупречной четкой линией. Этим, вероятно, объясняется присущая повествованию сложная гамма авторских эмоций.

Нежность, с которой Мартон вспоминает необыкновенную, «почти шекспировскую», по его убеждению, историю любви своих родителей. Горечь при упоминании о трагически ранней (в возрасте двадцати восьми лет) кончине матери и о периоде Великой Отечественной войны, которую он застал в детстве. Умение посмеяться над собой в моменты экскурсии в бурные, богатые приключениями юные и молодые годы. Наконец, восхищение, с которым Николай Сергеевич говорит о корифеях Александринского театра.

Николай Мартон

МНЕ ОТЧАЯННО ВЕЗЛО!

(ВОСПОМИНАНИЯ)

Последнее сегодня наиболее ценно, так как противоречит современной, не слишком приятной моде на пусть и частичное, но все же разоблачение кумиров публики.

Мартон же вопреки всем сложностям, которые ему, вослед всем варягам, пришлось преодолеть в период адаптации в прославленном коллективе, стремится, прежде всего, воздать должное своим легендарным коллегам за уроки и высшего актерского «пилотажа», и редкой в артистической среде щедрости. Примерами тому — сдержанный, но одобрительный отзыв **Николая Константиновича Черкасова** о вводе Николая Сергеевича на роль Альбера в «Скупом рыцаре», дорогой подарок **Бруно Артуровича Фрейндлиха**, который предложил Мартону заменить его в спектакле «На дне», где он, Фрейндлих, в течение многих лет с успехом играл Барона....

Кажется, что, приступая к работе над воспоминаниями, Николай Сергеевич и преследовал цель не столько поделить свой опыт, сколько отблагодарить всех тех, кто помог ему состояться актерски и лично, кто до сих пор поддерживает в профессии.

Михаила Полиевктовича Верхацкого — выдающегося педагога, взявшего на свой курс в Киевском театральном институте имени И.И. Карпенко-Карого и позволившего сделать первые шаги на пути к осуществлению мечты о сцене. **Леонида Сергеевича Вивьена**, возглавлявшего Александринку в 1938–1966 годах и в 1962-м после просмотра спектакля Крымского драматического театра имени М. Горького «Уриэль Акоста» по пьесе К. Гуцкова с ним, Мартоном, в роли Уриэля и пригласившего его в знаменитую труппу. **Владимира Егоровича Воробьева**, поставив-

шего «Хозяйку гостиницы» К. Гольдони и «Колпак с бубенчиками» Л. Пиранделло, в которых он сыграл соответственно Маркиза ди Форлипополи и Чампу, подаривших «ощущение полета». «Человечного формалиста», режиссера **Андрея Анатольевича Могучего** и «режиссера-философа» **Теодороса Терзопулоса**, для которых является неким «талисманом», непререкаемым участником всех спектаклей, выпущенных ими в Александринском театре. Руководителя петербургской Капеллы **Владислава Александровича Чернушенко**, привившего любовь к музыке, следствием чего стало появление целого ряда литературно-музыкальных программ. **Владимира Серафимовича Ярмагаева**, при активном участии которого избавился от так называемых «украиноидов», едва ли не в совершенстве «овладев мелодикой русской речи», что дает возможность на протяжении долгого времени реализовывать на питерском радио немало замыслов, связанных с созданием и записью поэтических композиций. **Валерия Владимировича Фокина** за то, что загрузил работой, обернувшейся лекарством, в тяжелых, подчас тупиковых ситуациях...

Список можно продолжать. Потому что Мартону посчастливилось встретиться на жизненном пути со многими интересными, тонко чувствующими людьми (о везучести Николая Сергеевича свидетельствует и само название книги). И это, следуя логике рассуждений артиста, можно считать наградой за его внимание к окружающим, за стремление концентрироваться преимущественно на хороших чертах человеческих характеров.

Как, впрочем, и полагается настоящей романтике, для которого тяга ко всему светлому, уверенность в торжестве добрых начал составляет основу существования. Наверное, это и позволяет не стариться душе Мартона, доказательством чего является не одна лишь плодотворная, многогранная актерская деятельность артиста, но и его совместный (стоит добавить, выпущенный при содействии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной программы «Культура России 2012–2018») с Евгением Соколинским литературный труд.

Майя ФОЛКИНШТЕЙН

ПЕРЕВЕРНУТЬ СТРАНИЦУ

Виктор Славкин. «Разноцветные тетради».
М., Галактика, 2017

Передо мной удивительная книга. Удивительная тем, что в записях известного писателя, драматурга **Виктора Славкина**, сделанных для себя, оживает жизнь прославленных и малоизвестных людей и всей нашей страны за 35 лет, с 1969 по 2004 год. Эпоха! Такая же разноцветная, как записные тетради Славкина, собранные и изданные **Марком Розовским**, близким другом Виктора Иосифовича. И это — лишь часть его наследия, Розовский

надеется (о чем пишет в послесловии) издать когда-нибудь все 42 тетради и книгу пьес Славкина, которой при жизни автора так и не случилось.

Но и то, что вошло в книгу, по справедливому словам Марка Розовского, «может дать пеструю и интересную картину прожитого нашим поколением времени. Да, эта картина субъективна, личностна, местами восхитительна, местами отвратительна... Но что поделаешь, зато